

Лин Цюнь скользнул взглядом по Фу Цзинхуну, который рухнул в кусты за церковной стеной.

Наконец-то тишина, — подумал он.

Затем он с горделивым видом поднял голову и грациозно перепрыгнул обратно на церковную территорию.

Я благороден, но ты меня недостоем.

Лин Цюнь наклонился, чтобы собрать полевые цветы, рассыпавшиеся по земле. Он выбрал относительно простой и изящный белый цветок с жёлтыми тычинками и аккуратно закрепил его в нагрудном кармане своего парадного костюма.

Белые лепестки едва колыхались на ветру, зелёные стебли и листья прилегли к ткани, создавая неожиданно гармоничный контраст с белоснежным костюмом.

Он опустил взгляд, полуприкрыв глаза; густые, тонкие ресницы отбрасывали под солнцем лёгкую тень, а несколько выбившихся из-под чёлки прядей чуть трепал ветер.

Он никогда не думал, что однажды женится.

Лин Цюнь прожил всю жизнь в приюте, без близких родственников. Единственным его спутником был друг детства, выросший рядом с ним.

Кто бы мог подумать, что он считал того братом, а тот — считал его дураком.

В один день, под давлением бесконечных просьб и уговоров, Лин Цюнь с неохотой согласился стать поручителем. Тогда тот, хлопая себя по груди с полной уверенностью, клялся:

— А-Цюнь, не переживай! Я обязательно всё верну. Разве брат когда-нибудь воспользуется твоей добротой?

Однако обещания оказались пустыми словами. Он не просто не вернул долг — он использовал деньги, чтобы взять кредит под бешеные проценты. Когда коллекторы постучали в дверь Лина Цюня, должник уже сбежал, исчезнув без следа.

Только когда Лин Цюнь окончательно пришёл в себя, он осознал истинный смысл слов своего «брата».

У Лина Цюня не было родителей, а происхождение его было скромным. После окончания университета он устроился работать в театральной сфере, играя мелкие роли, которые едва позволяли сводить концы с концами.

И вот теперь огромный кредит под бешеные проценты выжал из него все соки — сумма была настолько запредельной, что он даже в самых смелых фантазиях не мог её представить.

Нулей в этом долге было больше, чем яиц, что он когда-либо съел за всю жизнь.

Больше нулей, чем в коробке с апельсиновым соком.

Проклиная себя за глупость, Лин Цюнь схватил подушку, которую чудом вырвал из рук коллектора, и отправился под пешеходный мост.

Лин Цюнь с детства был человеком с твёрдым характером. Он всегда хотел быть лучшим во

всём, за что брался. Если уж терпеть неудачу, то на всю катушку. Даже оказавшись на улице, он хотел быть самым жалким из всех бездомных.

Пока его сосед по несчастью хотя бы обзавёлся кроватью и одеялом, у него была лишь одна подушка.

Старик, сжалившись, добродушно посоветовал:

— Холодно ведь уже. Насыпь на себя побольше земли.

Лин Цюн: «.....»

Он всегда знал, что у него скверное положение, и сознательно избегал отношений, чтобы не втягивать других в свои беды. Теперь же перспектива близости казалась и вовсе недостижимой.

Он был как перерождённая лягушка,

Одинокий, всеми забытый, безнадёжно один...

Уставившись на дверь, Лин Цюн почувствовал беспокойство: стоит ли возвращаться? Ведь кто бы не испугался злодея, который убивает, не моргнув глазом? Если он не сможет изменить сюжет книги, он просто подпишет себе смертный приговор.

В этот момент в его голове всплыли два крохотных образа, словно два человечка, тянущие канат, напоминающий перевёрнутую иву.

Совесь: «Если ты не вернёшься, Фу Синьюнь будет очень жалким на свадьбе».

Осёл в сердце: «Мы уже сбежали — зачем возвращаться? Если тебе его жалко, пожалей лучше себя. Ты ведь даже не знаешь, когда сдохнешь».

Совесь: «Возвращайся. Он ведь парализован ниже пояса. Как он сам проведёт церемонию?»

Осёл в сердце: «Разве в книге не сказано, что он сам справился? “Брат, смело иди вперёд и никогда не оглядывайся~”»

Совесь: «Этот костюм действительно бесценен!»

Осёл в сердце: «.....»

Совесь: «Он наверняка стоит целое состояние. Раньше ты бы никогда не смог себе такое позволить. И в оставшиеся годы тоже!»

Совесь: «Сколько там нулей? Десять, сто, тысяча, десять тысяч, сотни тысяч... О боже! Мамочка!! Так много денег!»

Лин Цюн глубоко вдохнул.

Один только этот костюм стоит больше, чем все его сбережения за жизнь!

Стоит хотя бы надеть его как похоронный наряд!

Вспоминая сюжет книги, Лин Цюн вспомнил, что Фу Синьюнь действительно прошёл через

множество испытаний. Читая роман, он частенько уделял больше внимания сюжетным линиям Фу Синьюня, чем самому главному герою. Может, это было связано с тем, что злодей постоянно пересекался с безвестными персонажами вроде него, но как бы там ни было, Лин Цюн уже давно считал себя преданным “фанатом-папочкой”.

Глядя на безупречно белый свадебный наряд и изящный цветок, покачивающийся на ветру, Лин Цюн чуть заметно улыбнулся. Он недоверчиво потрогал свою голову — он и подумать не мог, что однажды окажется на пороге брака.

Ему было по-настоящему страшно.

Выпрямив воротник, он решительно настроился завершить церемонию — в конце концов, этот костюм был оплачен Фу Синьюнем.

Лин Цюн толкнул дверь, озарённую святым светом Иисуса, — и перед ним раскинулась тысячеметровая дорожка... украшенная белыми розами и дорогими лентами.

Лин Цюн: «.....»

Кажется, пройдёт он свадьбу или нет — уже не имеет значения.

Когда церемония вот-вот должна была начаться, гости постепенно начали входить в зал под руководством церемониймейстера. Семьи Фу и Лин, разумеется, занимали почётные места.

Фу Синьюнь уже давно перестал быть Сыном Неба, который навёл шороху в деловом мире. Семья Фу теперь не придавала ему никакого значения и относилась с равнодушием, прислав на свадьбу лишь своего младшего сына, Фу Цзинхуна, в качестве представителя.

Однако даже ни одного члена семьи Фу не было видно на их отведённых местах.

Хотя из великих семей на свадьбу пришли немногие, ради многолетних связей с семьёй Фу они всё же послали несколько бездельничающих молодых господ. Естественно, никто из них не воспринимал свадьбу Фу Синьюня всерьёз.

Именно эти избалованные сынки из влиятельных семей превратили церемонию в унижение и насмешку над Фу Синьюнем.

Когда-то Фу Синьюнь был полон энергии, любимец небес, неудержимый в своих амбициях и успехах. Эти молодые господа часто слышали от своих старших, как их сравнивали с ним, и со временем в их сердцах неизбежно зарождалась ненависть.

Теперь, когда с Фу Синьюнем случилась беда, многие спешили понаблюдать за зрелищем. Новость разлетелась молниеносно — от одного человека к десяти, от десяти к сотне — и вскоре вся столица уже гудела.

Гости рассаживались по местам, и выражения на их лицах были самые разные — насмешка, издёвка, развлечение, — все ждали, когда же начнётся шоу...

Казалось, это была не свадьба, а цирковое представление.

Они готовы были аплодировать дрессированному зверю, смеяться, хлопать в ладоши, а потом оставить пару купюр, пропитанных унижением.

Теперь Фу Синьюнь был тем самым львом в цепях, с намордником на острых клыках, а публика затаив дыхание ждала его выхода.

Что может быть слаще, чем смотреть, как любимец судьбы падает лицом в грязь?

Чэнь Хань и Лин Хуафэн заняли свои места, даже не обратив внимания на пустые кресла семьи Фу. Им это было неважно — главное, что брачный союз состоялся, а значит, будущие переговоры пойдут гладко.

Фу Синьюнь подкатил свою инвалидную коляску к входу, где вот-вот должны были появиться новобрачные.

Сиденье рядом с ним оставалось пустым — место, которое должен был занять другой человек.

Но мужчину это совершенно не волновало. Его жизнь была разрушена ещё полгода назад, в том пожаре. Он безучастно смотрел на высокие белые ворота, украшенные изображением Купидона, ангела любви. Его тёмные глаза оставались неподвижными, как стоячая, застойная вода.

Ли Ханьян и несколько близких друзей заняли свои места в зале. Это были друзья детства Фу Синьюня, побратимы, с которыми он вырос. Никто из них не стал слушать предостережения своих семей держаться от Фу Синьюня подальше.

Даже если бы Фу Синьюню однажды пришлось просить подаяние на улицах, они бы сделали так, чтобы у него хотя бы была чистая миска, из которой можно есть.

Иначе вдруг расстройство желудка случится.

— Что-то у меня нехорошее предчувствие. Как думаешь, Лин Цюн сбежит? — нервно спросила Цзи Яо. Она по-настоящему обрадовалась, когда услышала, что Фу Синьюнь собирается жениться, но кто бы мог подумать, что сегодня она станет свидетельницей того, как Лин Цюн покажет своё истинное лицо.

— Да ну, не сгущай краски, — успокоил её Ли Ханьян.

Хотя он пытался её обнадѣжить, даже у него внутри закралась лёгкая тревога. Но, подумав, он лишь усмехнулся над собственными страхами.

При такой масштабной церемонии, каким бы недалёким ни был Лин Цюн, он бы всё равно не осмелился сбежать.

Успокоив себя этой мыслью, Ли Ханьян откинулся на спинку кресла, расслабившись.

Он и не заметил, сколько прошло времени, прежде чем вдруг резко выпрямился.

Тот идиот, что минуту назад бегал по коридору и безумно смеялся, —

неужели это был... Лин Цюн?!

Священник поднялся на кафедру с Библией в руках, но вместо того чтобы утихнуть, толпа зашумела ещё громче.

Лин Хуафэн недовольно нахмурился, но никто не обратил внимания на его лысеющую макушку.

Священник опустил взгляд и начал что-то тихо бормотать себе под нос.

Пока священник читал молитву, через толпу стремительно пробежал мужчина-служащий, направляясь прямо к Лин Хуафэну.

На лице служащего читалась крайняя срочность, ноги его неслись так быстро, словно его гнала сама стихия. В глазах — отражение солнечных бликов Средиземного моря — был только Лин Хуафэн.

В какой-то момент это даже напоминало влюблённый взгляд.

Согнувшись рядом с Лин Хуафэном, служащий тихо прошептал:

— Лин Цюн сбежал.

Эти слова прозвучали, словно шёпот дьявола, неся с собой демоническую силу, сравнимую с потрясением от того, что ты вдруг узнал: твой дом разбомбили.

Маленькие глаза Лин Хуафэна резко вылезли из орбит, едва не выпучившись наружу.

— Что ты сказал?! — рявкнул он.

Резкий мужской голос тут же привлёк множество взглядов, и на несколько мгновений все в зале уставились на Лин Хуафэна.

Даже священник нахмурился и взглянул в его сторону.

Я же посреди молитвы...

Раздражающие люди.

Лин Хуафэн мгновенно захлопнул рот. Казалось, что в его сердце в этот момент мчалась стая из десяти тысяч альпак, весело плюясь на ходу.

Этот ублюдок! Лин Хуафэн стиснул зубы, понимая, что, наверное, изначально должен был догадаться: Лин Цюн не станет таким послушным.

Но даже если бы Лин Хуафэн теперь хотел проглотить свои слова обратно, было уже слишком поздно. Любопытные молодые господа высовывали головы, расспрашивая, что случилось, а кое-кто даже схватил служащего, чтобы выведать подробности.

Они ни за что не упустили бы шанс публично унижить Фу Синъюня.

Служащий был лишь простым работником, не способным позволить себе обидеть кого-либо из присутствующих.

— Лин Цюн сбежал!!! —

Громкий вопль вдруг разнёсся по банкетному залу, словно капля воды, попавшая в раскалённое масло, и в ту же секунду вызвал бурный взрыв.

— Стоило! Это стоило того, чтобы прийти сюда сегодня!

— Чёрт! Жена Фу Синьюня сбежала! Какой теперь, к чёрту, смысл в этой свадьбе?!

— Ты куда собрался? Не спеши, церемония ведь ещё продолжается. Я хочу посмотреть, как Фу Синьюнь выкрутится из этого.

— Чёрт побери! — Ли Ханьян сжал кулаки, схватив за воротник ближайшего мажора, чтобы врезать ему. Цзи Яо поспешно дёрнула его назад, за ней кинулись остальные друзья, пытаясь удержать.

— Ханьян, ты совсем с катушек слетел?!

Ли Ханьян вырывался из их рук:

— Кто тут слетел, а?! Они такую чушь несут! У собачьей пасти и то чище, чем у них!

— Фу Синьюнь! Они же про Фу Синьюня болтают, мать их!

Мажор, которого держали за воротник, заметив, что другие начали оттаскивать Ли Ханьяна, сразу обнаглел:

— И что, если я это сказал?

Но едва он договорил, как заметил, что человек, державший Ли Ханьяна, медленно начал... отпускать руки.

Мажор: ??

Почему ты отпустил?!

На мгновение весь зал погрузился в хаос, где каждая деталь — разлетающиеся стулья, крики, толчки — жестоко контрастировала с благоговейной торжественностью белых стен зала.

И лишь один человек сохранял абсолютное спокойствие: священник.

Он стоял с молитвенно сложенными руками, искренне вознося слова.

Священник, спокойно глядя сверху на бушующую сцену, крепко сжимал Библию.

Священник: — В жизни каждого есть луч света.

За дверью, в тихом и безупречно белом коридоре, доносился едва слышный, прерывистый звук быстрого дыхания — отчаянного, но слабого.

Кто-то пробежал всю эту тысячу метров, беззвучно повторяя имя любимого, ради которого он двигался вперёд... ради любви.

На тысяче метров пути кто то, задыхаясь и сплёвывая ругательства, бормотал сквозь прерывистое дыхание:

— Уоц... больше... не могу... хаа... сейчас... сдохну... хаа... умираю... — приправляя всё это

множеством классических китайских выражений.

Лин Цюн смотрел на бесконечный коридор перед собой и тяжело выдохнул облако застоявшегося воздуха.

— Фу Синьюнь, папочка уже идёт!

<http://bllate.org/book/12640/1121088>